

Время цыган

Новый спектакль Бартабаса на Авиньонском фестивале

газета - 2006 -
18 июля - с. 18.

Глеб Ситковский / АВИНЬОН

Хозяин конного театра «Зингаро» Бартабас великолепно известен зрителям Чеховского фестиваля. Ездившие в Кошанское на представления его театра шапито должны помнить, сколь важна музыка для экзотических композиций Бартабаса. В конце концов, если подбирать правильное слово, то Бартабас — и не режиссер, и не дрессировщик, а что-то вроде лошадиного композитора. Его кони бегали по аренам мира и под грузинские, и под берберские, и под корейские фольклорные мотивы, а то и вовсе под Стравинского. Теперь в «Зингаро» настало время цыган. Включенный в программу Авиньонского фестиваля спектакль «Battuta» оказался вариацией на цыганско-балканские темы.

Разумеется, сказав «время цыган», немедля вспомнишь Эмира Кустурицу. Ощущение правильное: новый спектакль Бартабаса и впрямь кое-что почерпнул из фильмов этого балканского режиссера. В кинематографе Кустурицы естественное состояние человека — танец. Ка-

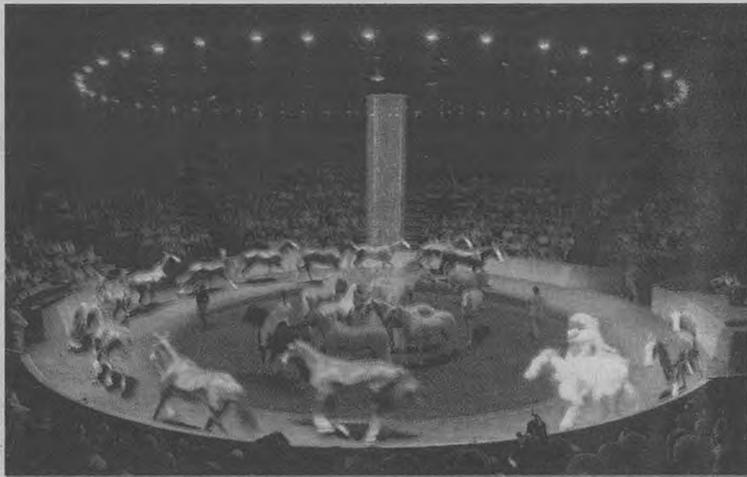

Фото: AFP

На сей раз в конном театре Бартабаса основное внимание сосредоточено на актерах, а не на лошадях

жется, что его актеры нетерпеливо переминаются и подергивают конечностями, ожидая, когда же в очередной раз грянет музыка и позволит им снова пуститься в пляс. Вселенский танец объединяет всех — людей, гусей, белых кошек, черных котов. В спектакле Бартабаса естественное состояние лошадей и людей не танец, а галоп, в крайнем случае — рысь. Никаких медитативных композиций, как в прежних ра-

ботах «Зингаро». Все и вся неудержимо несется по кругу под звуки двух цыганских оркестров — духового и струнного, расположенных по разные стороны арены.

К сожалению, стремительная скорость не всегда во благо зрелищу. Если «Триптих» или «Затмение» больше походили на лошадиный балет, то в «Battuta» чувствуется заметный уклон в сторону цирка. Разница между

цирком и балетом очень проста. К примеру, тот самый Стравинский, чью музыку использовал Бартабас в «Триптихе», утверждал, что балет — «единственная форма сценического искусства, которая ставит в краеугольный камень задачи красоты и более ничего». Перед цирковым же искусством стоит совершенно иная задача. Цирк — это в первую очередь демонстрация сверхвозможностей человека, его сноровки и физической силы. В «Battuta», к сожалению, куда меньше внимания обращаешь на прекрасных лошадей, чем на лихих наездников, оседлавших их. Под звуки цыганской скрипочки и цыганской трубы они показывают нам чудеса джигитовки, похваляясь перед публикой своими невероятными умениями, но по-настоящему красивых, «балетных» моментов в новом спектакле Бартабаса не так уж много. Разве что иногда, напоминая о картинах Шагала, перед нами проскачет невеста, за которой несется по воздуху протянувшаяся во всю арену фата — упасть в пыль ей ни за что не дадут привязанные воздушные шарик.

Подобно фильмам Кустурицы в «Battuta» много гротесковых, почти абсурдных моментов. Мчась на лошадях по арене, цыгане принимают душ, занимаются любовью, смотрят телевизор, кормят грудью двух младенцев и заодно одного медвежонка, справляют свадьбу и провожают в последний путь покойника. Седобородый старик, помахивая палкой, на скакуне преследует джигита, укравшего его дочку. Активничает цыганский медведь, показывающий свои познания в вольтижировке, а потом бросающийся с объятиями к хорошеньким зрительницам, которые отчаянно визжат; при ближайшем рассмотрении он, впрочем, оказывается переодетым в звериную шкуру актером. Словом, в спектакле Бартабаса присутствует немало классных и очень изобретательных эпизодов. Но все они так или иначе связаны не с лошадиным племенем, а с цыганским. В прежних постановках «Зингаро» все было наоборот: люди у Бартабаса обычно играли второстепенные роли, а главными были все же таки лошади. И, кажется, тот Бартабас был лучше.